

Стойкий солдат Стойков

60 ЛЕТ ПОБЕДЫ

Александр Николаевич Стойков – болгарин. Родился в Приазовье, куда его предки переселились стараниями князя Потемкина после освобождения этих мест от турков во времена Екатерины II. Было это так давно, что и дед, и прадед родились уже в России.

– Мама говорила, что мы русские болгары.

Долгое время семья жила в Донбассе, вплоть до подхода немцев к реке Миус. Линия фронта проходила уже по самой реке, а все вокруг надеялись, что война не сегодня завтра закончится.

Немцы стали обстреливать их поселок из дальноточных орудий, на улицах появились раненные. Как-то прямо у Шуры на глазах ранили старуху, она еле еле доволоч. В другой раз угодили в их дом, потом в соседний.

А они, подростки, даже не прекращали в футбол играть. Чуть затишье – все на завальный пригорок, где у них был «дикий» стадион. Так и в тот памятный день, когда в самый разгар игры на поле вдруг начали рваться снаряды. Когда утихло, Шура увидел мертвых.

Особенно поразило то, что предстало перед глазами ребят в домике на краю поселка. Заглянули, а там труп маленького ребенка, весь обгоревший – эта страшная картина стояла у него перед глазами много лет и не забылась до сих пор.

В мае 1942 года семья эвакуировалась – втемяную, как он говорит. Ехали куда глаза глядят, точнее, куда можно еще было пробраться, и в конце концов попали в Краснодарский край, в совхоз примерно в ста километрах от Армавира. Прожили там до 1943 года, и в феврале Александра мобилизовали. Три месяца пробыв в запасном подгототовительном, и 1 мая 545-й стрелковый полк Северо-Кавказского фронта пополнился еще одним бойцом – семнадцатилетним стрелком Стойковым.

Позиции заняли в районе станции Киевской, это за Краснодаром, ближе к Новороссийску. По мере того как их отводили к линии фронта, чего только не насмотрелись! Вода, камыши и огромное количество плавающих вздувшихся трунов. Переправлялись кто на

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

чем – на лодках, на сооруженных наскоро плотках – под обстрелом. Рядом с Александром сразу же тяжело ранило парня. Все вместе сложилось в гнетущую картину. Душа не хотела ее принимать. Кровь. Грязь. Ужас.

31 мая его ранило, и месяца полтора он пролежал в госпитале. Потом опять в запасной пересыльный, где из него сделали минометчика, а оттуда в 55-ю гвардейскую дивизию. В сентябре дивизию перебросили для взятия Новороссийска в помощь 18-й армии.

– Александр Николаевич, вы же совсем еще мальчиком были. Как все-таки научились и стали солдатом?

– Как дети учатся? Вначале ползают, потом поднимаются. Под Киевской напротив нас был немецкий дзот, такая надоедливая заноза. Мы, несколько человек, вылезали его уничтожить. В ночь с четвертого на пятое мая пробрались. На Кубани ночи темные, а тут еще ненастье...

Он замолкает, и я не тревожу его лишними расспросами.

За эту операцию Стойков был представлен к медали «За боевые заслуги».

На войне взрослеют не по дням, а по часам.

– Нашего старшину убили. Мне приказывают: принимай роту. «Да как же я?» – «Разве не видишь, больше некому».

Так и принял обязанности старшины, когда ему еще семнадцати лет не исполнилось.

Люди рядом гибли и калечились, душа окаменела. А он был жив, и, за редким исключением, даже есть не хотелось. Северный Кавказ – это же сплошной виноград, вокруг его было столько – спелого, сладкого – ешь, не хочу. Поначалу все на него набросились, потом только жевали, слепывая кожу, а под конец даже смотреть на этот виноград не могли.

Еще в тех местах рисовые плантации, так что у кашеваров меню каждый день было гарантировано.

– И вообще бои шли такие, что доставят еду, как положено, например, на десятерых, а нас уже восемь осталось. Разделим на всех...

Новороссийск был освобожден, и они двинулись в сторону Анапы, потом на Тамань. На пути – коса Чушка.

– Немец, когда отступал, все свои силы, все вооружение сконцентрировал на этой косе. Здесь самое узкое место между побережьем и Крымом. Старые солдаты, которые с нами были, говорили, что даже под Сталинградом не видели такого огня.

От их минометной роты осталось человек пять-шесть. Стойкова здесь ранило второй раз, уже тяжело.

До санбата его сопровождали двое, но перебитую руку он поддерживал сам. Помнит, что когда добрались, пришлось подождать немного – оперировали раненую женщину. Помнит, как после нее положили на

стол его. И как, проснувшись после наркоза, отстранился от поднимавших его санитаров и сказал: «Я сам» – тоже помнит. А затем отключился.

Он пролежал без сознания пять дней.

Когда очнулся, увидел склонившуюся над ним медсестру, которая, как потом оказалось, не отходила от него все это время. Она смотрела на него с такой радостью, с таким неподдельным сопереживанием, что с этого момента и на всю жизнь в его душе поселилось какое-то особое отношение к медикам – к врачам, сестрам, санитаркам, нянечкам. Где бы и когда бы их ни встретил, он с тех пор чувствует одно – благодарность.

Ранение оказалось жестоким. Правое плечо, ключица, лопатка – все было разворочено осколком снаряда до неузнаваемости. Случившиеся во время перевязок рядом бывалые солдаты, которые много чего повидали, отворачивались.

Хирурги сделали, что могли: пересадили с бедра кожу на огромную рану с торчащими из нее костями. 117 лоскутков. Он лечился полгода, потом получил отсрочку еще на четыре месяца. На освидетельствовании женщина-врач вздохнула: «Бедненький, как же вы живете?» Даже через много лет, когда попал в Ярославле в больницу, по его выражению, «с домашними болезнями» и там сделали рентген, врач удивился: «Ну у вас и месиво!»

В общем, пришлось ехать домой.

Вернулся в совхоз к маме и сестре. После всего пережитого жизнь казалась бессмысленной. Война еще шла, а он ел, пил, работал молоковозом, горючевозом, потом назначили даже заместителем директора совхоза.

– Меня это не устраивало. Решил учиться. Образование – незаконченное перед войной восемь классов. Накупил книг, какие-то выпросил, какие-то сам достал. Учился прилежно. Буквально засыпал над учебниками и конспектами. Мать проснетесь корову доить, а я все учусь...

В конце концов поехал Стойков в Армавир и сдал экстерном за десять классов. Там же попало ему на глаза объявление: Новочеркасский политехнический институт сообщал о наборе студентов. Привлекли внимание два обстоятельства: у института был свой стадион (а Александр продол-

жал мечтать о футболе) и множество факультетов – один интереснее другого.

На вступительных экзаменах из 30 баллов набрал 28 и выбрал горный факультет. Он же в Донбассе жил, еще до армии успел навалотбойщиком на шахтах поработать. Все уже было в упадке, рубили вручную, но вкус уголька попробовал.

После окончания института получил направление в Ярославль – начальником карьера на заводе силикатного кирпича. С того самого 1957 года он здесь. Женится. Проработал на предприятии 25 лет, вырос до главного инженера и главного экономиста. После ухода на пенсию еще почти 20 лет был маркером в бильярдной, горпарка. Бильярд после футбола его вторая страсть.

На заводе он оставил добрый след. По его инициативе и его хлопотами к 30-летию Победы был поставлен памятник погибшим.

Ветераны вспоминают аврал, царивший у будущего монумента в последние десять дней, и историю с четырнадцатым именем в скорбном списке.

Изначально было установлено тринадцать имен. Последнее стало известно после того, как памятник уже высился на месте и завод готовился к открытию.

Выход нашел Стойков. На завод как раз тогда пришла машина из ритуального предприятия. Стойков попросил: выручайте, нужно вырезать в камне четырнадцатое имя, не потревожив памятник. Те замялись. Тогда он сказал: сделаю – будет вам кирпич без очереди. Сделали.

Много лет Александр Николаевич, по его выражению, «в прошлое не окунался». Старался без особой нужды не вспоминать. Но нет-нет и оно само напомнит о себе. Понадобились справки о ранениях – из военно-медицинского архива в Питере прислали сразу же. Оказывается, все во всех подробностях в этом архиве о нем есть. Удивился.

А недавно удивился еще больше. Приехал к нему домой подполковник из военкомата с той, не врученной ему в 1943 году под станцией Киевской медалью «За боевые заслуги». Через 62 года! Из коробочки со своими наградами Стойков теперь достает ее первой.

– Эта медаль для меня самая дорогая.

Татьяна ЕГОРОВА.